

И. Б. Орлов

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ НЭПА (К ВОПРОСУ О СОСТАВЛЕНИИ «ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КАРТЫ»)

В статье на основе изучения комплекса диссертационных исследований, связанных с проблематикой нэпа, предложен набор количественных и качественных критериев для составления «исследовательской карты», которые позволяют выявить место и роль «нэповедения» в отечественном и мировом историческом сообществе. Также в статье на примере диссертаций 1990-2000-х гг. выявлены основные тенденции в развитии историографии новой экономической политики.

Ключевые слова: историография, нэп, «исследовательская карта», проблемные поля.

*«Если бы научные истины были окончательными ...
вся научная деятельность свелась бы к популяризации
уже открытого» (Антонио Грамши)*

2000-е годы продемонстрировали общее снижение интереса к собственно историографическим работам по проблемам нэпа. Увидевшие свет в эти годы историографические исследования, по большей части, посвящены отдельным аспектам новой экономической политики [см., например: 5, с. 134–138; 14; 15, с. 124–130; 28, с. 259–270]. Это актуализировало вопрос о возможности и необходимости составления «исследовательской карты» новой экономической политики, впервые поставленный автором статьи на конференции в ИРИ РАН в декабре 2012 г. В основу историографического анализа, позволяющего создавать такие «карты», положены следующие комплексы:

во-первых, историографические работы и обзоры, несмотря на ограниченность последних довольно узкой проблематикой;

во-вторых, исторические работы и диссертационные исследования, содержащие, в том числе, анализ соответствующей литературы;

в-третьих, рецензии на наиболее значимые труды;
в-четвертых, обзоры конференций, научных семинаров и «круглых столов» по рассматриваемой проблематике.

Правда, учитывая огромное количество работ по указанной теме, возникает вопрос критериев историографического отбора. Например, принцип значимости работ, при слабой пока распространенности практики индексов цитирования, содержит опасность оценочного субъективизма. Ограничение выборки фундаментальными монографиями и аналитическими журнальными статьями также не гарантирует реальной картины в сфере изучения нэпа. Подавляющая масса соискателей степени (даже докторской) избегают проблемного подхода к нэпу в целом, опасаясь обвинений в чрезмерно раздутом проблемном поле. Еще одна проблема – реконструктивные возможности историографических исследований. Подобные исследования и особенно обзоры зачастую представляют собой «набор» рецензий на работы отдельных авторов, не давая, как уже указывалось, цельной картины.

Все это ставит в повестку дня задачу «картографирования» историографии (прежде всего, региональной) нэпа, в том числе, в целях определения проблемных полей и исследовательских лагун. При составлении «исследовательской карты» нэпа предлагается учитывать следующие количественные и качественные показатели:

- * введение в научный оборот новых источников и уровень документальных публикаций;
- * количество изданных монографических исследований (в том числе, в соавторстве с российскими и иностранными учеными; коллективных и индивидуальных; удельный вес фундаментальных трудов);
- * возникновение новых направлений в изучении проблемы;
- * число защищенных диссертаций (отдельно докторских) по годам и проблематике;
- * структуру исследовательского «цеха»: удельный вес научных сотрудников РАН и других исследовательских институтов и лабораторий; преподавателей вузов (в том числе, ведущих университетов страны); бизнесменов; государственных служащих; «свободных художников» и т.п.;
- * совершенствование исследовательской техники;
- * публикаторскую активность исследователей (в РИНЦ, Web of

- Science, Scopus), в том числе, до и после защиты диссертаций;
- квартильность отечественных и зарубежных журналов, в которых публикуются статьи о периоде новой экономической политике;
 - число и уровень (международный, всероссийский, региональный, межвузовский и пр.) проводимых конференций по периоду нэпа;
 - удельный вес публикаций о периоде 1920-х гг. в материалах и трудах иных конференций;
 - наличие региональных школ «нэповедения» (в том числе, число диссертаций, защищенных под руководством того или иного руководителя);
 - численность и содержание историографических обзоров, посвященных периоду 1920-х гг.;
 - уровень грантовой поддержки (исследовательской и издательской) работ по рассматриваемой проблематике: количество грантов и поддержанная проблематика;
 - количество сборников по истории 1920-х гг. с участием международных ученых (в том числе, переведенных на иностранные языки);
 - наличие формальных и неформальных объединений специалистов – «нэповедов».

Понятно, что в рамках данной статьи возможно рассмотреть только отдельные показатели историографического процесса. Автор полагает, что наиболее значимым индикатором анализа нэповской проблематики (как, впрочем, и большинства тем) сегодня являются диссертационные исследования, которые носят структурированный и явно выраженный проблемный характер. В них, прежде всего, проявляются и историографические новации. Анализ диссертационных исследований позволяет уловить не только степень изученности того или иного вопроса, но и процесс формирования новых проблемных полей. Кроме того, пик публикаторской активности авторов в большинстве случаев приходится именно на период подготовки кандидатских и докторских диссертаций.

Анализ 1474 кандидатских и докторских диссертаций 1992–2010 гг., в которых нашла отражение нэповская проблематика, позволил автору выявить несколько измерений современной историографии нэпа [более подробно об этом см.: 22, с. 387–395].

Во-первых, по своей тематике¹ они распределились следующим образом. На первом месте оказались работы, посвященные экономическому развитию и финансам (263 диссертации). Вторую позицию (238 работ) занимают исследования, посвященные проблемам государственного и национального строительства. Вопросы науки и образования периода нэпа утвердились на третьем месте (162), четвертой по числу работ стала группа исследований культурной политики новой власти (134), а пятой – социальной и демографической политики (96). В шестую группу вошли исследования, освещающие церковно-государственные и конфессиональные отношения (80), в седьмую – работы социально-политической проблематики (79). Восьмая группа исследований включает в себя работы, затрагивающие те или иные элементы «гражданского общества» двадцатых годов (71). Замыкают перечень диссертаций историографические работы (37), диссертации, охватывающие общие проблемы нэпа (20) и биографические исследования (15), так или иначе связанные с проблематикой новой экономической политики.

Во-вторых, географическое распределение диссертаций также показывает весьма неоднородную картину. С большим отрывом от Санкт-Петербурга (90) лидирует Москва (389). На третьей позиции разместился Саратов (47). В группу «лидеров» (число защищенных работ более 20) вошли: Воронеж (24), Екатеринбург (37), Иркутск (33), Казань (27), Краснодар (29), Курск (25), Махачкала (29), Новосибирск (34), Омск (25), Пенза (29), Улан-Удэ (37), Уфа (26). При этом ряд регионов, помимо столиц, представлен сразу тремя центрами: Краснодарский край (Краснодар, Армавир, Кропоткин); Ростовская область (Ростов-на-Дону, Зерноград, Новочеркасск); Ставропольский край (Ставрополь, Кисловодск, Пятигорск). Двумя центрами представлены три области (Свердловская – Екатеринбург, Нижний Тагил; Тюменская – Тюмень, Тобольск; Самарская – Самара, Тольятти), две республики (Карачаево-Черкесская – Черкесск, Карачаевск; Удмуртская – Ижевск, Глазов) и два края (Алтайский – Барнаул, Бийск; Хабаровский – Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре). С учетом проводимых конференций и публикаций иного рода (монографий, статей и пр.), можно говорить о вполне сложившихся

¹ Критериями тематической разбивки выступают сформулированные самими диссертантами объект и предмет исследования.

казанской, краснодарской, саратовской, ставропольской и ростовской школах, а также о ряде формирующихся в последние годы центров исследования новой экономической политики.

В-третьих, из 389 защищенных в Москве диссертаций почти четверть (92) посвящены региональной тематике. Но среди этих работ, анализирующих процессы 1920-х гг. в московском регионе, совсем немного (18). Даже с учетом исследований, в которых Москва и Московская губерния рассматриваются в более широком географическом пространстве (Центрально-промышленный район, Центральное Нечерноземье и т.п.), общее число диссертаций увеличится несущественно – до 26 работ. Очевидно, что Москва остается ведущим центром подготовки диссертаций на общероссийскую и союзную проблематику, тогда как весьма условно можно говорить о наличии московской школы «двадцатников».

В-четвертых, анализ защищенных работ показывает, что современные исследования нэпа органично вписываются в очерченные исследователями ключевые проблемные области постсоветской историографии [16, с. 3–4]. При этом виден определенный историографический поворот в исследовании нэповской проблематики. Изучение экономических (прежде всего, реформаторского потенциала нэпа) и политических (включая внутрипартийные разногласия) аспектов жизнедеятельности социума двадцатых годов все больше заменяется исследованиями в области повседневной истории и массового сознания. Утверждение взгляда на нэповское общество как сложную систему взаимосвязей различных «групп интересов» способствовало выделению в самостоятельное исследовательское направление изучения бытовых практик нэповского общества, нацеленных на выживание и адаптацию к поворотам властной «машины». Приметой времени стало наличие соответствующего параграфа, раздела или хотя бы сюжетов иллюстративного характера в работах, посвященных разным аспектам новой экономической политики.

Анализ комплекса диссертаций 1993–2009 гг. позволяет выявить ключевые точки, как в отношении определенной тематики, так и нэповских исследований в целом. Ниже представлен ряд таблиц, отражающих динамику диссертационных защит (в том числе, докторских) по ряду проблемных полей по степени их убывания.

Общественно-политическая жизнь

1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
14/3	10/2	7/3	7/4	11/4	7/2	11/3	14/6	13/3	11/1	19/6	10/1	4/0	3/1	1/0	1/0	143/39

Культурное строительство

1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
4/0	2/0	6/0	7/0	3/1	9/3	9/1	11/1	6/0	5/0	14/0	12/1	6/0	2/0	2/0	2/0	100/7

Развитие городской промышленности, транспорта и торговли

1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
1/0	3/0	4/1	4/0	2/1	9/2	7/3	11/3	5/2	7/1	5/1	11/2	10/1	5/0	2/1	2/1	1/0	91/19

Образование

1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
6/0	5/0	2/1	3/1	5/1	2/0	9/1	8/2	7/1	7/2	11/2	6/0	10/0	0	1/0	0	82/11

Социальная политика и социальная структура

1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
1/0	2/0	6/2	3/0	7/1	6/2	5/4	9/3	8/2	7/0	10/2	5/1	10/0	1/0	1/0	1/0	80/17

Церковно-государственные и конфессиональные отношения

1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
2/0	5/0	1/0	4/0	8/2	3/1	9/0	1/0	10/0	4/0	11/2	8/0	8/0	1/0	3/1	2/0	80/6

Сфера права, государственного контроля и безопасности

1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
1/1	6/2	3/0	1/0	5/1	5/0	3/1	5/1	14/2	9/1	12/0	9/0	5/0	0	2	0	78/9

Аграрная проблематика

1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
4/0	5/1	4/0	10/3	5/2	2/0	5/1	3/1	3/0	9/2	11/4	8/0	5/0	1/0	1/0	1/0	77/13

Историография и исторические институты

1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
7/0	2/1	4/2	6/3	5/1	6/1	8/1	4/0	6/2	3/1	8/1	4/3	5/0	1/0	1/0	1/0	71/16

Национально-государственное строительство и национальные отношения

1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
2/0	2/2	6/3	3/1	4/2	1/1	5/1	7/1	6/3	5/1	6/0	7/1	6/0	4/0	2/0	2/1	1/0	68/17

Развитие научного знания¹

1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
2/0	4/1	2/1	1/0	4/1	0	3/1	1/0	5/0	1/0	9/3	3/0	3/0	1/0	0	1	40/7

Быт и повседневность

1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
2/1	1/0	2/1	3/0	2/0	0	0	5/0	4/1	9/1	1/0	4/0	0	0	0	33/4

Менталитет и общественные настроения

1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Всего
3/0	1/0	1/0	2/1	2/1	2/1	2/0	3/0	3/0	3/1	3/1	3/0	1/0	0	0	29/5

¹ Из 40 диссертаций 7 были защищены не по специальности «История».

Видно, что, несмотря, на все «повороты», до середины 2000-х гг. устойчиво сохранялся интерес к социально-политической проблематике. Интересно, что пик диссертационной активности по 11 показателям (по 7 единолично) из 13 приходится на 2004 г. (по остальным 2 показателям 2004 г. находится на втором месте). Думается, подобное «западение» не случайно, а объясняется, с одной стороны, резким расширением на рубеже 2000-х гг. источниковой базы, а с другой, появлением в этот период целой плеяды докторов наук нового (постперестроечного) поколения, активно включенных в систему международных научных связей и грантов, и ориентированных на формирование научных школ или, по крайней мере, получения ученого звания профессора. В этом плане, несомненно, доминируют 2000-е гг.: среди первых мест только один раз присутствует (и то в совокупности с еще 4-мя годами) 1995 г., а среди вторых позиций два раза отмечен 1994 г. и один раз 1997 г. Впрочем, по всем 13 показателям 1990-е гг. уступают 2000-м гг. по числу защищенных диссертаций. И это несмотря на более благоприятные условия для защиты диссертаций. Другое дело, что в «лихие девяностые» научная работа не была ни востребованной, ни сколь-нибудь престижной и оплачиваемой. Наблюдался еще один парадокс. При повышении интереса к проблематике повседневной истории, истории ментальности и социальной истории, во второй половине 2000-х гг. мы наблюдаем почти «нулевой вариант» в отношении защит. Отчасти это «компенсировалось» целым рядом вышедших в этот период монографий,² отчасти, как уже указывалось, отражением повседневной проблематики в диссертациях иной тематики.

В свою очередь, анализ динамики диссертационных защит показывает, сколь невелико число ученых, защитивших за рассматриваемый период кандидатскую и докторскую диссертацию по проблематике, связанной с периодом 1920-х гг. В частности, в рассматриваемый временной промежуток попадают диссертации: Н. Н. Аблажей, З. С. Бочаровой, Д. М. Гусейнова, Е. Е. Дутчак, В. Ф. Ершова, С. С. Загребина, М. Ю. Мухина, О. Г. Назарова, И. Б. Орлова, А. С. Соколова, Т. П. Хлыниной. При этом время между защитой кандидатской и докторской колеблется у названных ученых от 4 до 14 лет, составляя в среднем около 9 лет. При этом переход в новое (докторское) качество демонстрирует несколько

² Прежде всего, в роспэновской серии «Социальная история XX века»

вариантов: расширения хронологических рамок исследования при незначительном расширении проблемного поля [6; 7; 8; 9; 12; 13]; смены специальности [17; 18; 26; 27]; расширения проблемного поля при сохранении хронологических рамок [10; 11; 19; 20; 21; 23; 24; 25]; одновременного расширения хронологических, географических рамок и проблемного поля [1; 2; 3; 4].

Выборочный анализ публикаторской активности соискателей научных степеней на 1 февраля 2014 г. (по данным РИНЦ) показывает значительный разрыв в этом отношении у диссертантов даже одного года защиты. Например, у кандидатов исторических наук, защитившихся в 2011 г., число индексируемых работ колеблется от 4 до 48. Для сравнения, для кандидатов наук 2010 г. этот разрыв был меньше - от 4 до 20, а аналогичные показатели 2009 г. колеблются еще меньше - от 2 до 6. То есть, по крайней мере, для указанного 3-летнего периода (2009–2011 гг.) выявляется тренд роста разрыва в публикаторской активности молодых ученых. Вряд ли это можно объяснить процессом слабого вовлечения исследователей в РИНЦ (в системе образовательных и научных учреждений регистрация в РИНЦ стала обязательным условием), как и разницей издательских возможностей в различных регионах. Появление гуманитарных электронных журналов, расширение числа онлайн-конференций с возможностью размещения материалов на зарегистрированных сайтах и пр., – все это во многом сняло проблему «удаленного научного доступа». Изучение личных страниц диссертантов в Интернете позволяет сделать заключение о вовлечении в «защитный процесс» представителей бизнеса, депутатов, чиновников и силовиков, в ряде случаев даже не имеющих базового исторического образования, чья публикаторская активность резко падает после защиты диссертации.

Как уже указывалось, данная статья является всего лишь исследовательской «матрицей» для формирования новых подходов к исследованию историографического процесса применительно к проблематике новой экономической политики. Каждый из указанных параметров может претендовать на самостоятельное исследовательское направление, в том числе, связанное с масштабом и степенью включения «нэповедов» в мировое историческое сообщество.

1. *Аблажей Н. Н.* Эмиграция из восточных районов России в 1920–1930-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. : спец. 07.00.02. – Новосибирск, 1997. – 300 с.
2. *Аблажей Н. Н.* Эмиграция из России (СССР) в Китай и реэмиграция в первой половине XX в. : дис. ... док. ист. наук : спец. 07.00.02. – Новосибирск, 2008. 341 с.
3. *Бочарова З. С.* Движение за возвращение на родину в российской эмиграции. 1920-е годы : дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.01. – М., 1994. 206 с.
4. *Бочарова З. С.* Социально-правовая адаптация российской эмиграции 1920–1930-х годов : дис. ... док. ист. наук : спец. 07.00.02. – М., 2005. – 449 с.
5. *Васько А. А.* НЭП и проблема гражданского общества в России: современная историография // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. – 2009. – № 3. – С. 134–138.
6. *Гусейнов Д. М.* Индустриальное развитие Дагестана в 1921–1932 годы: Особенности, проблемы : дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.02. – Махачкала, 1996. – 206 с.
7. *Гусейнов Д. М.* Россия и индустриальное развитие Дагестана: Конец XIX - 30-е гг XX в. : дис. ... док. ист. наук : спец. 07.00.02. – Махачкала, 2004. – 443 с.
8. *Дутчак Е. Е.* Старообрядческие таежные монастыри: условия сохранения и воспроизводства социокультурной традиции (вторая половина XIX – начало XXI в.) : дис. ... док. ист. наук : спец. 07.00.02. – Томск, 2008. – 493 с.
9. *Дутчак Е. Е.* Старообрядческое согласие странников, вторая половина XIX-XX вв. : дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.02. – Томск, 1994. – 276 с.
10. *Ершов В. Ф.* Российская военная эмиграция 1921–1939 гг. : дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.02. – М., 1996. – 213 с.
11. *Ершов В. Ф.* Российское военно-политическое зарубежье в 1920–1945 гг.: Организации, идеология, экстремизм : дис. ... док. ист. наук : спец. 07.00.02. – М., 2000. – 486 с.
12. *Загребин С. С.* Культурная политика государства и ее реализация на Урале в 1900–1940 гг. : дис. ... док. ист. наук : спец. 07.00.02. – Челябинск, 1999. – 578 с.
13. *Загребин С. С.* Культурное строительство на Южном Урале в 1929–1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.02. – Челябинск, 1994. – 263 с.

14. Кармазин А. С. Историография социальной политики Советского государства в отношении рабочего класса в 1921–1941 гг.: На материалах Уральского региона : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. – Тюмень, 2006. – 27 с.
15. Лейкина С. А. Развитие кустарно-промысловой кооперации в Иркутской губернии в 1920-е годы (Историографический обзор) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2000. – Иркутск, 2000. С. 124–130.
16. Медушевский А. Н. Российская история: новые рубежи и пространство диалога // Российская история. – 2009. – № 1. – С. 3–5.
17. Мухин М. Ю. Источники по развитию военной промышленности СССР в 1921–1941 гг.: По материалам РГАЭ : дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.09. – М., 1996. – 249 с.
18. Мухин М. Ю. Советская авиапромышленность до начала Великой Отечественной войны : дис. ... док. ист. наук : спец. 07.00.02. – М., 2008. – 446 с.
19. Назаров О. Г. Борьба за лидерство в РКП(б) и ее влияние на создание номенклатурной системы в 20-е годы : дис. ... док. ист. наук : спец. 07.00.02. – М., 2001. – 388 с.
20. Назаров О. Г. Внутрипартийная борьба в большевистской партии, 1923–1927 гг. : дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.02. – М., 1995. – 346 с.
21. Орлов И. Б. Новая экономическая политика: государственное управление и социально-экономические проблемы, 1921–1928 гг. : дис. ... док. ист. наук : спец. 07.00.02. – М., 2000. – 353 с.
22. Орлов И. Б. Нэп: современные дискуссии и перспективы изучения // Российская государственность: опыт 1150-летней истории : материалы международной научной конференции (Москва, 4-5 декабря 2012 г.). – М., 2013. – С. 387–395.
23. Орлов И. Б. Поиск путей экономического развития страны и внутрипартийная дискуссия 1923–1924 годов : дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.02. – М., 1994. – 198 с.
24. Соколов А. С. Финансовая политика Советского государства в годы нэпа: 1921–1929 гг. : дис. ... д-ра ист. наук : спец. 07.00.02. – М., 2006. – 583 с.
25. Соколов А. С. Финансовая реформа 1921–1924 гг. и ее место в партийно-государственной политике : дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.02. – М., 1997. – 207 с.

26. Хлынина Т. П. Адыгея в системе межнациональных отношений на Северном Кавказе. 1920–1924 гг. : дис. ... канд. ист. наук: спец. 07.00.02. – М., 1993. – 210 с.
27. Хлынина Т. П. Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: Проблемы историографии : дис. ... д-ра ист. наук : спец. 07.00.09. – М., 2003. – 324 с.
28. Чернышова А. В. Проблемы управления советской доколхозной деревней в современной историографии // Век XX: историография, источниковедение, региональная история России : сб. научных трудов. – Н. Новгород. 2004. – С. 259–270.

Орлов І. В. Сучасна історіографія непу (до питання про укладання «дослідницької карти»)

У статті на основі вивчення комплексу дисертаційних досліджень, пов'язаних із проблематикою непу, запропоновано набір кількісних та якісних критеріїв для укладання «дослідницької карти», які дозволяють виявити місце та роль «непознавства» у вітчизняному та світовому історичному співтоваристві. Також у статті на прикладі дисертацій 1990-2000-х років виявлені основні тенденції в розвитку історіографії нової економічної політики.

Ключові слова: історіографія, неп, «дослідницька карта», проблемні поля.

Orlov I. V. Modern historiography of the NEP (the question of drawing up a «research map»)

In article on the basis of the study of complex dissertation research related to issues of NEP, proposed a set of quantitative and qualitative criteria for the compilation of «research map», which allow to identify the place and role of historiography of the NEP in domestic and world historical community. Also in the article on the example of dissertations 1990-2000s main tendencies in the development of the historiography of the new economic policy.

Keywords: historiography, NEP, «research map», the problem field.